

Елена Арсеньева

**Деньги – это самое... самое...
(Софья Блюфштейн, Россия)**

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Елена Арсеньева
Деньги – это самое... самое...
(Софья Блюфштейн, Россия)
Серия «Преступления
страсти. Алчность»

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162706

Арсеньева Е. Преступления страсти. Алчность: Авторский сборник:

Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-25612-9

Аннотация

«Может быть, если бы она обладала даром царя Мидаса – превращать в золото все, к чему прикасалась, – она могла бы быть счастлива? Едва ли! Ей всегда было мало того, что у нее имелось, это раз, а во-вторых, просто прикоснуться к камню и в следующее мгновение уже держать в руках золотой слиток... хм... так скучно! Деньги были самым важным в ее жизни, ради них она не жалела ни себя, ни других, но столь же важной была афера, игра, риск. Другие на ее месте волокли бы нажитое или награбленное в темный захорон и сидели тихо, пользуясь богатством, но только не она. Чем больше – тем лучше, чем опаснее – тем лучше. Так думала Сонька Золотая Ручка, настоящее имя которой...»

Елена Арсеньева

Деньги – это самое... самое...

(Софья Блювштейн, Россия)

Может быть, если бы она обладала даром царя Мидаса – превращать в золото все, к чему прикасалась, – она могла бы быть счастлива? Едва ли! Ей всегда было мало того, что у нее имелось, это раз, а во-вторых, просто прикоснуться к камню и в следующее мгновение уже держать в руках золотой слиток... хм... так скучно! Деньги были самым важным в ее жизни, ради них она не жалела ни себя, ни других, но столь же важной была афера, игра, риск. Другие на ее месте волокли бы нажитое или награбленное в темный захорон и сидели тихо, пользуясь богатством, но только не она. Чем больше – тем лучше, чем опаснее – тем лучше. Так думала Сонька Золотая Ручка, настоящее имя которой...

А имя ее было совсем даже убого – Шейндля-Сура. Совершенно в духе убогонького местечка Повонзки Варшавского уезда, где родилась она на свет в семье здешнего барыги (то есть скупщика краденого) Лейбы Соломониака. Ничего удивительного в папенькиной профессии, впрочем, не было: здесь все промышляли краденым, давали в долг, дра-

ли три шкуры, грабили кого ни попадя, ну а сестра Шейндли Фейга была такой воровкой, что, чудилось, чужое добро само прилипало к ее рукам. Шейндля другой жизни просто не знала, так и думала, что все люди делятся на тех, кто ворует, и тех, у кого воруют. По сути дела, так оно и есть. Умом она не была обделена, ну и, само собой, решила, что лучше не отягощать себя излишними добродетелями, а сразу пойти по той дорожке, которую уготовила для нее судьба: примкнуть к тем, кто грабит. В облапошенных числиться не хотелось, лучше облапошивать самой.

У своих красть считалось не только зазорным, но и опасным: покрепче люди водились в Повонзках, могли и пришить зарвавшуюся девчонку. Для начала нужно было обрести подобающую опору в жизни. Шейндля отлично знала силу своего хорошенького личика и большущих глаз. Еще сестрица Фейга не раз говорила: «Да ты просто рождена для того, чтобы головы мужчинам кружить!» Первой головой, которую вскружила Шейндля, была голова самого состоятельного мужчины в Повонзках: почтенного бакалейщика Исаака Розенбада, за которого в 1864 году восемнадцатилетняя Шейндля вышла замуж. В придачу к бакалейной торговле Розенбад промышлял также скупкой краденого (ну правда, некуда было деться в Повонзках от сей «профессии»!), но держал это в секрете.

Избавившись таким образом от отца, который пытался заставить ее торговать краденым добром на рынке в Варшаве,

и от сестры, которая норовила с ее помощью красть у богатых мужчин, Шейндля решила, что теперь-то заживет в свое удовольствие, тратя деньги мужа так, как хотелось. Но тут она обнаружила три не слишком приятные вещи: во-первых, этих денег не столь много, как казалось; во-вторых, муж все не расположен выкидывать их на прихоти молодой жены; в-третьих, за все в жизни приходится платить, и она заплатила Исааку Розенбаду, избавившему ее от жизни в родительском доме, тем, что забеременела...

Говорят, все еврейки – хорошие матери. Или нет правил без исключений, или Шейндля Лейбова Соломониак не была еврейкой, потому что, едва родив дочку, которую назвали Сура-Ривка, юная мадам Розенбад, прихватив пятьсот рублей из бакалейной лавки мужа, исчезла в неизвестном направлении.

Да, да, больше терпеть добропорядочную жизнь она не была намерена! Она решила измениться совершенно, от и до. И для начала требовалось новое имя. Какое? Почему-то первое, что в голову пришло, было – Сима Рубинштейн.

А почему бы и нет? Звучит!

Теперь следовало уехать из Польши в Россию. В Москву! Новоявленная Сима села в поезд и отправилась в путь. Уже тогда она усвоила, что нужно уметь людям пыль в глаза пустить – чем пышнее ты распускаешь перья, тем лучше тебя принимают. Поэтому Сима купила билет второго класса и нагала соседям, будто едет в Москву, чтобы получить

наследство от богатой бабушки. Ее мигом окружили заботами – новоявленная богачка такая хорошенькая, а рассказанная ею история о полуголодном детстве такая трогательная... Двое из попутчиков немедля предложили себя в проводники по Москве, явно намереваясь продолжить знакомство. Это были молодые люди с жадными глазами. Ведь Сима уверяла, будто ей всего пятнадцать и она невинная, неопытная девица. Невеста с приданым, решили москвичи – вот и распустили перья.

Карманы своих соседей Сима решила обчистить непременно, но несколько попозже, чтобы преждевременно не поднялся переполох. А пока отправилась прогуляться в вагон третьего класса. Публика здешняя ее разочаровала: голь перекатная, у всех узлы да мешки невзрачные, взглянуть не на что. Приличным чемоданом владел один только юнкер. Сима мысленно хихикнула: чемодан был в точности такой, какой она позаимствовала (в придачу к пятистам рублям) у приснопамятного Исаака Розенбада. Но, может быть, содержимое его окажется поинтересней?

Сима даже не дала себе труда подумать над тем, куда она денется с этим чемоданом. Вряд ли юнкер возит в нем деньги или такие уж большие ценности, ведь если он богат, то не ехал бы в жалком вагоне третьего класса. Она ни о чем вообще не думала. Приступ желания овладеть чужим добром отбил всякое соображение. Так у нее было всегда, так будет всегда... Сима под села, поклонилась, похлопала своими хо-

рошенькими глазками (между прочим, только они и были хорошенькими в ее лице, курносеньком и даже слегка рябеньком, но силу их Сима уже успела узнать), прикинулась абсолютной глупышкой (мужчины любят миленьких глупышек, это она тоже успела узнать), назвала «полковником» и принялась пялиться на кокарду, форму, сверкающие сапоги...

Юнкер – звали его Михаил Горожанский – был молод и глуп, иначе бы не принял за чистую монету такую пошлую, откровенную, наглую, местечковую лесть. Ведь кем же надо быть, чтобы за полковника семнадцатилетнего юнца принять! Но, видимо, он принадлежал к разряду тех мужчин, которые любят не просто глупышек, а вовсе уж дурочек, и потому мгновенно пал жертвой банальных Симиных чар. Когда подъехали к Клину, он был готов ради Симы Рубинштейн на все, тем паче – на такую малость, как сбегать за лимонадом в станционный буфет. Ну и сбегал, а когда вернулся, не нашел ни Симы, ни чемодана...

Может быть, если бы она сошла на той же станции, ее не поймали бы. А Сима поперлась сдуру с юнкеровским чемоданом в свой вагон второго класса: ну не бросать же там чемодан Исаака Розенбада, все же какая-никакая, а добрая память о бывшем муже, то-се... Кто-то ее заметил и, когда полиция, поднятая на ноги Горожанским, начала поиски, указал на вагон второго класса.

Симу взяли с поличным и отволокли в участок. Спасло ее именно сходство чемоданов – и усвоенное с детства умение

зарыдать не тогда, когда тяжело на сердце, а когда сие нужно для дела. Актерка она была первоклассная, и все поверили, что девушка прихватила чужой чемодан по ошибке, приняв за свой. Мало того, в полиции осталось заявление Симы Рубинштейн о пропаже у нее трехсот рублей, и дело дошло до того, что на Горожанского в участке стали посматривать подозрительно: уж не он ли обчистил карманы милой барышни?

Выйдя из этой передряги, Шейндля усвоила несколько уроков. Во-первых, она не желала больше зваться Симой Рубинштейн, то имя попало в полицейские протоколы и может в дальнейшем только навредить, к тому же оно явно несчастливое. Во-вторых, впредь надо быть поумнее и рисковать только ради крупной добычи, а не какой-то жалкой смены белья и вареной курицы, которые в результате обнаружили среди вещей Горожанского. В-третьих, следовало тщательно заботиться о реквизите – ведь не окажись у нее совершенно случайно такого же чемодана, как у юнкера, дело было бы для нее швах...

Шейндля призадумалась. Какое же имя выбрать теперь? Пожалуй, Софья. Оно означает – мудрость. Шейндля, умевшая брать уроки у жизни, с головой, полной самых невероятных замыслов, чувствовала себя умнейшей женщиной на свете, а потому решила, что имя Софья отлично ей подойдет. А прошлое вместе с Исааком Розенбадом и Михаилом Горожанским – вон из головы!

Забегая вперед, можно сказать, что Исаака ей не удалось-таки забыть безвозвратно, да и Горожанский еще раз возник в ее жизни – самым неожиданным и романтическим образом.

Спустя несколько лет судьба привела Сою в Малый театр. Она вообще была большой любительницей драматического искусства, считала себя (и не без оснований!) подлинным талантом, была уверена, что с легкостью утерла бы нос Асенковой, Колосовой и Семеновой, и не упускала возможности бывать в театре, чтобы брать уроки мастерства перевоплощения. Она и в самом деле поумнела с годами и к работе своей относилась весьма серьезно, обдумывала и репетировала выбранные для себя роли тщательно, хотя не исключала из арсенала и внезапное вдохновение. Впрочем, его ведь и профессиональные артисты не исключают!

Так вот о Малом театре. В актере по фамилии Решимов она вдруг узнала все того же Мишу Горожанского из поезда! Судя по всему, он ушел в отставку, подался на сцену – и стал ведущим артистом Малого театра. Соня не могла ошибиться – у нее была отличная зрительная память.

Ох и смех ее разобрал! Бывают же совпадения в жизни! Интересно, был бы рад Решимов повидаться с ней? Небось и не узнает... А ведь он должен чувствовать себя обязанным Соне. Кто, как не она, показали ему, как нужно перевоплощаться, какое огромное значение имеет способность хорошо сыграть свою роль? По сути, она преподавала ему первые уро-

ки сценического мастерства!

Соня купила огромный букет роз, вложила в него записку: «Великому актеру от его первой учительницы»... но этого ей показалось мало. Рядом стоял какой-то старикан в мундире. Соня мимоходом улыбнулась ему милой, немного рассеянной улыбкой, которая, как она знала, действовала на мужчин ошеломляюще, и пошла дальше – искать капельдинера, чтобы передать ему букет, приложив к розам золотые часы. Соня, правда, не заметила, что на них выгравирована дарственная надпись: «Генерал-аншефу Хвастову за особые заслуги перед Отечеством в день семидесятилетия». Зато надпись прочел Михаил Решимов – и она его надолго озадачила, особенно в сочетании с запиской «от первой учительницы».

Соне тоже было за что благодарить Горожанского-Решимова. Урок, усвоенный благодаря ему, она не забывала никогда. И хотя болезненные приступы алчности, толкавшие ее на новые и новые кражи, превратились у нее со временем в настоящую манию (род психического заболевания, как считали некоторые врачи, с которыми ей приходилось сталкиваться), она все же умела порою сдерживать их именно для того, чтобы пойти на дело не абы как, с одними только загребущими ловкими руками, а подстелив, елико возможно, соломки и обставив предстоящее действие максимумом реквизита.

Разумеется, ей нужны были сообщники – и они у нее были. Соня до последних дней жизни сохранила привлекатель-

ность для мужчин, а уж в молодые-то годы была вообще неотразима. Именно поэтому она так часто выходила замуж. Но, что характерно, покидая мужа для новой страсти, умела сохранить с прежним прекрасные отношения. Она со своими бывшими часто встречалась. Нет, не для милых воспоминаний о тех чувствах, которые их некогда соединяли, а исключительно для дела. Все бывшие Сонины мужа – и Мишель Блювштейн, и Хуня Гольдштейн, и прочие (не исключая не раз помянутого Исаака Розенбада!) – становились ее сообщниками, подельниками и не раз оказывали ей весьма ценные услуги, не оставаясь при этом внакладе и сами. Правда, иной раз участие в Сониных предприятиях оканчивалось для них плохо, но, с другой стороны, кто не рискует, тот не пьет шампанского!

Взять хотя бы ту историю с Динкевичем и особняком графини Тимрот...

Соня не была вульгарной воровкой-мещанкой, которая складывает награбленное в чулок и копит на старость. Алчность к чужому добру сочеталась в ней со страстью жить с размахом! Приехав как-то в Вену, она заложила в ломбард некоторые из похищенных ею вещей и, получив под залог 15 тысяч рублей, истратила в один день. Она обожала отдыхать в Крыму, Пятигорске и в Мариенбаде, причем не дешевенькие номера снимала для поправления здоровья, а выдавала себя за титулованную особу, на всякий случай имея при себе целую кучу разных визитных карточек. И к каждой карточке

«прилагалась» история жизни. Эти истории Соня разыгрывала с блеском и размахом.

У нее были свои люди в ссудных кассах и конторах по продаже недвижимости. Она всегда знала о предстоящих крупных сделках и не упускала случая приложить к ним свою жадную ручку, которую в ту пору уже прозвали Золотой. От кого-то из своих осведомителей она и узнала о Михаиле Осиповиче Динкевиче, почтенном отце семейства, который после двадцати пяти лет образцовой службы на должности директора мужской гимназии в Петербурге ушел в отставку и решил исполнить свою давнюю мечту: вместе с дочерью, затем и тремя внуками переехать на родину, в Москву. Динкевичи продали дом, прибавили сбережения – набралось 125 тысяч. Очень неплохие деньги, которые Соня решила немедленно прибрать к рукам. Она принялась следить за Динкевичем... Ну а он-то решил, конечно, что его внезапное столкновение в дорогой кондитерской с нарядной красавицей, от неожиданности выронившей зонтик, было сущей случайностью. И она так на него посмотрела, с таким очаровательным выражением выслушала его извинения, что Динкевич мигом обо всем забыл и счел себя вполне равным дорого одетой даме, в которой за версту можно было признать представительницу самого высшего общества. Во всяком случае, она вполне соответствовала тем представлениям о дамах высшего общества, которые сложились у Динкевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.